

первой половины минувшаго вѣка. Статейка эта не велика, не велика и личность самого Потанчикова, но на этой одной страничкѣ великой, все еще остающейся не написанной, исторіи московскаго Малаго театра авторъ нарисовалъ бездѣльную по своей яркости картину былой театральной жизни. Сразу видно, что ее писалъ сынъ того самаго Прова Садовскаго, мастерской даръ котораго рассказывать можетъ представить себѣ каждый, съ вѣрностью къ современникамъ великаго артиста, кто прочтетъ хотя бы его единственный въ своемъ родѣ рассказъ о французской рэволюціи (напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1873 г. № 3). И опять приходится жалѣть, что Михаилъ Провичъ смунтосилъ на воспоминанія и не расскажетъ своихъ мастерскихъ перомъ все то, что ему пришлось видѣть и въ домѣ своего отца и вокругъ себя на сценѣ Малаго театра. Получилась бы, навѣрно, лѣтотпись высокой цѣны, и много любопытнѣйшихъ подробностей дорогого, всѣмъ мнѣмало пропалаго было бы спасено отъ безсмысленнаго забвенья. О Маломъ театрѣ слишкомъ мало надежныхъ воспоминаній и на его славномъ дѣятелѣ, хранителѣ и живомъ воплощеніи его великихъ традицій, лежатъ, пожалуй, нравственная обязанность помочь этому великому горю театраловъ, тѣмъ болѣе, что умѣнья М. П. занимать по приходится. Онъ указалъ его въ своихъ воспоминаніяхъ, о Потанчиковѣ а въ серіи своихъ рассказовъ изъ московской старины, гдѣ ему удалось увѣличить рядъ обличій старинной Москвы, ютившихся въ былые годы по ол окраинамъ и съ каждымъ годомъ все болѣе уходящихъ съ жизненной сцены по мѣрѣ того, какъ новая Москва съ новинками заморской цивилизаціи и съ созданными ею людьми новаго обличья все болѣе отбрасываетъ старую Москву. Новое приходитъ теперь на смѣну и тѣмъ овощнымъ лавочкамъ, которыя еще недавно играли роль англійскаго клуба для обывательской какой-нибудь Тишинскаго или Николобольшанскаго переулка, и одна изъ которыхъ такъ ярко и наглядно обрисована въ рассказѣ Садовскаго „Преступленіе.“ Иные примы общечитія заводятся среди мастеровщины, изображенной въ его „Счастливецъ.“ Все труднѣе теперь, даже по окраинамъ, встрѣтить доморощеннаго балаганнаго Барнума („Дикій человѣкъ“), самодѣльнаго хирурга изъ Горбуновыхъ бань

(„Развѣсичанный хирургъ“), любителя пушечной палубы („Страшныя изъ жизни одного города“), несокрушимаго искателя высшей правды изъ Екатерининскаго парка („Вредный членъ“). И среди учителей что-то не слышать теперь про такихъ мечтателей, которые бы весь свой досугъ отдавали вдохновенному сочиненію возвышенной трагедіи („Высокое призваніе“). Но чѣмъ дальше отъ насъ все это уходитъ, тѣмъ дороже для насъ послѣдніе окошки былой жизни. И со страницъ двухъ маленькихъ томиковъ рассказовъ Садовскаго глядитъ на насъ во всей своей бытовой правдѣ старинная Москва, та самая Москва, сочнымъ духомъ которой было вращено и все сценическое дарованіе самого автора этихъ рассказовъ, и его отца, и столь близкаго имъ обоимъ Островскаго. Послѣдняго невольно вспоминаешь, читая рассказы М. П., они лучшее дополненіе къ пьесамъ Островскаго и въ нихъ показана та самая полоса русской жизни, сценическимъ воспроизведеніемъ которой создалъ себѣ имъ и Островскій. Дѣти Островскаго рассказы эти по языку, чудному ароматному языку, языку Прова Садовскаго, И. Ф. Горбунова, С. В. Максимова, этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова. Да и по манерѣ своей, рассказы эти ближе всего, на мой взглядъ, напоминаютъ единственное произведеніе Островскаго въ повѣствовательной формѣ, — мало кому известнаго, но прекраснаго „Записки замоскворѣцкаго жителя.“ Недаромъ самъ авторъ сообщаетъ, что явные изъ его рассказовъ создались изъ желанія развлечь А. Н. Островскаго во время рыбной ловли въ имѣніи Островскаго Щельковѣ. И великій драматургъ взял тогда же слово, что рассказы эти будутъ написаны, что М. П. и исполнилъ, посвятивъ ихъ памяти своего „дорогого учителя.“ Думается, что учитель этотъ остался бы вполне доволенъ рассказами своего ученика, если бы ему довелось прочесть ихъ.

Въ бѣглой замѣткѣ не высказать и сотой доли того, что слѣдовало бы сказать про эти рассказы М. П. Садовскаго, совсѣмъ незаслуженно замолкнущей нашей критикой, столь капризной въ раздачѣ своего вниманія. Но и этихъ нежныхъ строкъ, навѣюсь, достаточно въ доказательство того, что 17 октября Москва должна чествовать не тол ко крупнаго артиста

своего великаго Малаго театра, но и умѣлаго и искуснаго дѣятельскаго своего недавняго прошлаго.

Б. Варнеко.

Золотъ Москвы № 238 — 17 окт. 1909 г.

Юбилей М. П. Садовскаго.

М. П. Садовскій.

Сегодня Москва привѣтствуетъ посетителя одного изъ старѣйшихъ и славнѣйшихъ именъ Малаго театра—Михаила Провича Садовскаго, достойнаго сына великаго отца.

Исполнилось сорокъ лѣтъ служенія М. П. Садовскаго родному искусству и Малому театру.

М. П. Садовскій родился въ 1847 г. Впервые выступилъ на сценѣ двадцатилѣтнимъ юношей, въ артистическомъ кружкѣ въ роли Андрея («Въ чужомъ пиру похмелье»).

Въ 1869 г. М. П. Садовскій дебютировалъ въ Маломъ театрѣ ролями Подхалюзина («Свой люди — сочтемся»), Андрея Гусакова («Тяжелые дни»), Васи («Горькое сердце») и Бородкина («Не въ свои сани не садись»).

Въ 1870 г. дебютируетъ былъ принятъ въ труппу Малаго театра. Всѣ сорокъ лѣтъ службы М. П. Садовскаго протекли на подмосткахъ Малаго театра, и Москва издавна цѣнитъ и любитъ маститаго юбиляра.

Къ сожалѣнію, послѣдніе годы артистъ, вслѣдствіе недорозвья, выступаетъ рѣдко. Не чужды М. П. Садовскій и литературѣ. Его перу принадлежатъ пьеса «Душа—потемки», нѣсколько рассказовъ изъ актерскаго быта («Высокое призваніе», «Дикій человѣкъ») и воспоминанія объ актерѣ Потанчиковѣ.

Кромѣ того, имъ переведены пьесы: «Эдипъ Софокла», «Фелра» Расина, «Франческо» Сильвіо Пелико, «Севильскій цирюльникъ» Бомарше, «Добродѣ-

тельный ворчунъ» и «Вверхъ» Голдони, «Что посеешь, то и пожнешь» и «Карлъ II» Джакомоетти.

М. П. извѣстенъ также своей преподавательской дѣятельностью въ московскомъ театральномъ училищѣ.

У М. П. Садовскаго.

(Къ сорокалѣтнему юбилею).

Знаменитый сынъ великаго отца—Прова Садовскаго.

Другъ А. Н. Островскаго, А. Ф. Писемскаго, А. А. Потѣхина, сослуживецъ Н. Х. Рыбакова и профессора Н. С. Тихонравова.

Артистъ и литераторъ, настояцій «старый москвичъ» и удивительно увлекательный собесѣдникъ.

Таковъ сегодняшній юбиляръ—маститый Михаилъ Провичъ или, вѣрнѣе, воспитанникъ Б. Н. Алмазова, «Михаилъ Провичъ Садовскій». Родился Михаилъ Провичъ 12-го ноября 1847 года. Былъ

члѣнъ гимназіи, но вышелъ оттуда изъ-за болѣзни глазъ.

— Отецъ мой, — рассказываетъ М. П., — былъ противъ сцены... Все хотѣлъ сдѣлать изъ меня ученаго! Вотъ почему я сдѣлался отчасти даже лиягвистомъ. Вѣдь, я говорю на пяти языкахъ: на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Испанскій, пожалуй, почти совсѣмъ забытъ: на дняхъ попробовалъ прочесть книгу, — не могу... отсутствіе практики, да и память измѣнилась стала.

На сценѣ я уже сорокъ два года.

Въ 1867 году выступилъ въ первый разъ въ артистическомъ кружкѣ въ роли Андрея Титыча «Въ чужомъ пиру похмелье».

Если справедлива чья-то теорія о «половинкахъ», то мы съ женой—такія половинки: первый разъ выступалъ и я, и жена вмѣстѣ со мной. Она играла мою мать.

Въ этомъ же спектаклѣ выступала Е. И. Селезнева, которая скоро бросила сцену и вышла замужъ. Теперь она всѣмъ извѣстна: это — жена генерала Стесселя. Въ артистическомъ кружкѣ мы